

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя
Небьющееся сердце

Сериал «Детективный триумвират»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца
Почь сурка
Отражение бабочки

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны
Браслет с Буддой

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень
Яд персидской сирени
Девушка с синей луны
Без прощального письма

*Инна
Баринская*

Отражение
бабочки

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Оформление серии
Андрея Саужова, Филиппа Барбышева

Иллюстрация на переплете
Филиппа Барбышева

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Отражение бабочки : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Детектив сильных страстей).

ISBN 978-5-04-099790-9

Разомлевший от жары город потрясла страшная находка — в обмелевшем озере был найден красный автомобиль с женским трупом в багажнике. Машина пролежала на дне не один месяц, и теперь найти преступника будет непросто. Очень быстро выяснилось, что машину угнали с охраняемой стоянки, когда ее хозяйка отдыхала за границей. По ярлычку на дизайнерском платье жертвы удалось выяснить, что это взбалмошная певичка Лера Огородникова, которая два года назад объявила всем, что улетает в Германию, и закатила прощальную вечеринку, после чего ее никто больше не видел. Даже лучшая подруга Огородниковой Лена Окуневская не знала, что Лера никуда не улетела. Впрочем, расспросить Окуневскую нет возможности: она тоже умерла...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099790-9

© Бачинская И.Ю., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Однажды философ Чжуан-цзы во сне увидел себя бабочкой. Проснувшись, он не мог понять: Чжуан-цзы видел во сне, что он — бабочка, или бабочке теперь снится, что она — Чжуан-цзы?

Из старинной китайской притчи

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

Дикая жара, сушь, выгоревшее небо, вымерший город. Такое выдалось лето в этом году. Пустые столики уличных кафе — от солнца не спасают даже зонтики. На пляжах яблоку негде упасть. Поплывать можно за буйками — только там относительный простор и не нужно расталкивать локтями и коленями галдящих отдыхающих. Можно махнуть на ближние озера за реку, но и там толпа. А к нудистскому пляжику вообще не пробиться. Можно на Магистерское, но оно далеко, и машиной не проедешь, а тащиться лень. Можно в Черное урочище в Еловицу, там же и шашлычки устроить, но сыровато и комаров полно. А бездонное Черное озеро подсохло, уровень воды упал, и подходы превратились в топь. Но зато народу поменьше, и все свои, окрестные, знакомые друг с другом. Словом, хорошая домашняя обстановка. Со

скалы, исписанной разными словами, именами и памятными датами, можно с ревом или визгом нырять, поднимая при этом фонтаны брызг. Вокруг озера — круглая поляна со следами старых кострищ, дальше — густой лес, что удобно — всегда можно уединиться и даже собрать ягоду...

Черное озеро... Загадка природы! У-у-у, страшилка! По слухам, бездонное, реликтовое, утыканное валунами, принесенными ледником. И вода черная. И трава на дне, как живая, цепляет за ноги и держит. И легенды всякие жуткие про утопленниц, русалок, водяных. А еще говорят, живет в том озере доисторическая нечисть, выходит ночью, воет на луну. Черная Несси. Очевидцы клянутся, что видели собственными глазами! А некий местный умелец, мастер на все руки, однажды изобрел эхолот и опустил его в озеро, надеясь обнаружить там дожившего до наших дней реликта, или хоть кого-нибудь, но не судьба — то ли хитрый реликт держался подальше, то ли аппарат не добивал до дна.

Днем ничего, конечно, можно поприкалываться и поугадать женский коллектив, сделать вид, что то-нешь, поорать «Спасите!» или спихнуть подружку со скалы, а вот ночью... Ночью сюда лучше не соваться, это все знают. Тем более когда-то тут произошло страшное ритуальное убийство, было дело, и пару лет сюда никто носа не казал¹. Потом все подзабылось, поросло быльем, и жизнь понеслась по новой: гулянки, шашлыки, костры, песни и танцы. Бутылки, охлаждаемые в темных водах, дым, чад, запах горящего мяса, гомон и женский смех. Красота!

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Лучшие уходят первыми».

Вот и сегодня все то же. После шашлыков, картишек и волейбола затеяли нырять со скалы. И не просто так нырять, солдатиком или, скажем, уточкой, а с фантазией – с вывертом, винтом, переворотами и спиной вперед. На «слабо» и «кто дальше и глубже». На звание чемпиона и приз. Какой – сами догадайтесь.

Очередной соискатель вынырнул чуть не посреди озера с перекошенной физиономией и выпученными глазами, завопил:

– Мужики, там тачка утонула!

И в озеро ринулись все! Воды вскипели, народ нырлял с палками, надев маски, чтобы рассмотреть получше, прихватив камни, чтобы не выносило. Оставшиеся на берегу орали и подбадривали нырляльщиков, разделившись на группы верующих и скептиков. И только один человек, пенсионер, бывший директор школы Матвей Ипполитович, догадался позвонить в полицию.

...Там действительно была машина. Оперативники просили народ отойти в сторонку и не толпиться. А еще лучше разойтись по домам. Как же! Народ стоял насмерть, твердо намереваясь досмотреть действие до конца. А также сообщить эмчэсникам, что они козлы и надо не так, а вот так.

На закате находку наконец вытащили. Это была красная когда-то «Тойота» – страшная, с помятыми дверцами и выбитыми фарами, укутанная в ил, обросшая водорослями. Через выбитые окна с ревом рванулась наружу вода. Народ ахнул и подался вперед.

Кран опустил тяжело осевшую машину на землю, от удара багажник раскрылся, и тут же раздался дружный вопль ужаса – там был человек!

Вернее, то, что от него осталось.

Глава 1

Бойцы вспоминают минувшие дни...

Савелий Зотов пришел на точку первым. Как всегда. Он всегда приходит раньше, так как страшно боится опоздать. Человек он трепетный и тонкий, каковые качества культивированы в нем постоянным чтением дамских романов – Савелий трудится редактором отдела остросюжетной дамской литературы в местном издательстве «Арт нуво». Читать все подряд входит в его обязанности. Казалось бы, работа не бей лежачего. Ан нет! Друг Савелия, капитан Коля Астахов, любит повторять, что, если бы ему пришлось глотать такое количество... э-э-э... *этого*, он бы сей секунд застрелился. Капитан решительный и суровый человек, скажет как отрежет, рассусоливать не будет. Одним словом, ать-два, левой. «Савелий и его бабские книжки», – говорит капитан с осуждением и качает головой.

Третий член спетого разношерстного триумвирата – профессор философии Федор Алексеев, оперативник и коллега капитана в прошлом, сменивший, по его собственным словам, военный мундир на профессорскую тогу. Тоже капитан, бывший. Пижон

и красавчик, по мнению Астахова, за которым бегают толпы аспиранток. Он придет вовремя, так как полностью разделяет поговорку о том, что точность — вежливость королей. Сбросит белый плащ до пят и разматывает черно-зеленый длинный шарф, если дело происходит осенью или зимой, а широкополую черную шляпу положит рядом на свободный стул, чтобы не сперли, как уже было однажды. А вот капитан, как всегда, опоздает. Влетит на рысях, стаскивая на ходу куртку и пожимая друзьям руки. Ненормированный рабочий день, перестрелки, засады... сами понимаете. Он человек государев, себе не принадлежит.

И старый добрый Митрич, хозяин точки, будет смотреть тепло и радостно... Ах да! Речь идет о баре «Тутси», штаб-квартире вышеупомянутого триумвирата, а Митрич — его владелец и бармен. Сидит себе на высоком табурете за сверкающей стойкой на фоне разноцветных винных сосудов, напоминая собой большую сонную рыбу, с полотенцем через плечо. Всех видит. И его все видят. «Тутси» приятный бар с постоянной солидной клиентурой, с уютно бормочущей над стойкой плазмой, с девушкой, поющей по вечерам не какую-нибудь попсу, а старинные романсы. А по стенам фотографии знаменитостей с автографами. Постоянные клиенты, зная о маленькой слабости Митрича, любящего *имена*, тащат к нему любую мало-мальски интересную заезжую личность, будь то футболист, артист или писатель. В результате появляется очередная фотография на стене — Митрич и знаменитость. Он прекрасно помнит обстоятельства эпихальной встречи и готов рассказать историю каждой фотки всякому, кто готов слушать.

Савелий Зотов, Федор Алексеев и капитан Коля Астахов его любимые клиенты. Когда они обсуждают какое-нибудь резонансное преступление, и горячатся, и капитан хватается за голову и кричит, что его уже достала мутная философия всяких сомнительных профессоров, которые ни хрена в этой жизни не понимают, так как напрочь оторваны, а всякие редакторы с бабскими книжками... те вообще! — Митрич чувствует себя причастным к событиям криминального мира и даже принимает в обсуждении посильное участие. Любо-дорого посмотреть, одним словом. Митрич поглядывает на триумвират, умирая от любопытства, время от времени позволяет себе подойти и вставить словцо-другое: что услышал случайно, какие слухи ходят по городу, что народ говорит... голос низов, так сказать. Вокс попули. А кто ж им еще скажет или подскажет? Капитан не располагает, с ним лучше держать язык за зубами; Савелий Зотов страшно далек от народа, ему даже если скажешь, не факт, что поймет — у него свое видение. А профессор Федор Алексеев... тот на своей волне и вообще все видит через призму философского восприятия действительности. Каждому в отдельности говорить бесполезно, а вот всем сразу — не поверите! Дает результат. После криков, споров, дурацких мутных идей Савелия с Федором и сурового реализма капитана они *набрывают* на интересную мысль, в смысле, версию. Капитан сопротивляется, но больше для виду. Ему непонятно, как получается, что фантастические идеи этой парочки, абсолютно идиотские поначалу, вдруг обретают некий статус возможной реальности и являют собой недостающие детали головоломки. И главное, как спелись!

Савелий с бабскими книжками и бывший опер, ныне философ Федор Алексеев! Причем Федор здорово насобачился толковать Савелия: не успел тот и рта раскрыть, как Федор уже р-р-раз – и как на блюдечке толкование: так, мол, и так, молодец, говорит, Савелий, интересная мысль! И называет Савелия Дельфийским оракулом. Лицо у Савелия делается удивленным, он и сам уже не помнит хорошенько, что хотел сказать и какая мысль мелькнула в глубинах сознания. Капитан только головой крутит и крикает.

Федор Алексеев появился на пороге минута в минуту, обвел взглядом зал, махнул Митричу и направился к столику, за которым уже с полчаса маялся Савелий. Тот взволнованно поднялся: «Федя! А я уже заждался!»

Мужчины обнялись. Сентиментальный Митрич прослезился и промокнул глаза полотенцем.

Федор, похлопывая Савелия по спине, приговаривал:

– Рад, рад, Савелий! Прекрасно выглядишь, загорел! Как Зося? Малыши?

– Федя, ты не представляешь... Хорошо! Они хорошо... И Зося... – лепетал Савелий. – Как-то мы растеряли друг друга, ребята, собирались на Магистерское мужской компанией... Лето кончается! Ты опять куда-нибудь?

Савелий прекрасный редактор, но никудышный оратор, все знают. Его нужно дослушать до конца, а потом соображать насчет смысла.

– Никуда, Савелий, больше никуда. Соскучился по дому. Возраст, сам понимаешь...

Кокетство чистой воды! Возраст, жажда покоя, ах, усталость... Е-рун-да! Федор еще ого-го! Орел. Наставник юношества и его же кумир, предмет обожания ста-

рых и малых. О нем ходят легенды и анекдоты, без него полиция вроде слепых котят — все знают! У каждого молодого человека, его ученика, есть черная шляпа с широкими полями или хотя бы черно-зеленый длинный шарф. Общеизвестно также, что с Федором как с гуманистом всегда можно договориться. А какое у него чувство юмора! А как он дерется! Да, да, даром что профессор — накидает по сусалам и навешает таких люлей, что не скоро опомнишься. Боксер, каратист и опер в прошлом. А то вдруг появится на лекциях в черных очках! Все знают — камуфляж. Велосипед упал с антресолей, говорит, или лыжи. Не успел увернуться. Ха! Никто, разумеется, не верит. Подрался с очередным *ооп...* особо опасным преступником и теперь прикрывает синяк под глазом. Девочки все поголовно влюблены. Да что там девочки! Все влюблены! Его афоризмы повторяют, а лекции цитируют к месту и не к месту. Молод, гибок, понимающ и видит оппонента насквозь — философ! Несмотря на легкую седину на висках... А что, даже красиво, придает этаким академический шарм и подчеркивает сверкание глаз. А студент Ленья Лаптев, тот вообще пишет анналы и житие философа Федора Алексеева и размещает написанное в сетях, приумножая славу любимого препода. Присочиняет изрядно, необходимо заметить.

Последний год Федор провел в Германии с лекциями. Митрич очень боялся, что он там останется навсегда, но Савелий и капитан убеждали его, что Алексеев вернется.

— Чтобы Федя остался в какой-то Германии? — волновался Савелий. — Ни за что! Даже если... мало ли... тут тоже много интересных людей!

— Вернется он, Митрич, даже не думай! — заверял капитан Астахов. — Здесь родные стены, дружбаны, Магистерское озеро, наконец. Ты, Митрич, и «Тутси»! Куда ж ему без этих радостей? И аспиранток навалом, прав Савелий. Да он живая легенда, студенты на руках таскают! Не-е, вернется! Хочешь, на спор?

— Ну что вы, какой спор, — пугался Митрич. — Конечно, вернется, никто и не сомневается. Но отпустят ли? Не посулят ли золотые горы? Не подсунут ли какую-нибудь местную золотокудрую диву?

— Чтoб Федька нас на бабу променял? — возмутился капитан. — Даже не думай, Митрич!

Он вернулся! В родные пенаты. Обласканный европейским солнцем, покрытый ненашенским глянцем. Они ревниво его рассматривали и замечали морщинки в уголках глаз, непривычную горькую иронию улыбки, некую появившуюся чужесть и легкую отстраненность... Чужбина! Савелий прослезился от волнения, на щеках проявились красные точки, растрепались и упали на лоб жидкие пегие прядки... Савелий не красавец, но очень хороший и порядочный человек.

Капитан был суров и сдержан, как и подобает человеку военному. Только и сказал с легким прищуром:

— А мы уже заждались! Думали, все, потерян. Чего ж так? Плохо принимали?

— Дым отечества, — растроганно отвечал Федор. — Принимали прекрасно. Может, махнем на Магистерское, а? Поверите, снилось чуть не каждую ночь!

Да так и не махнули. Рутинa, то, се... А теперь вот и лето кончается. Хотя сбежаться получилось, а дальше будет видно. Савелий давно звал, все были «за», а на деле вышел пшик.

Савелий – на месте, Федор тоже. Ждут капитана. Митрич весь измаялся, фирмовые бутерброды его имени – с колбасой и маринованным огурчиком, – приготовлены, холодное пиво тоже. Можно и покрепче чего, а капитана Астахова все нет.

Он появился, как всегда, взмыленный, в полете, полный радости и нетерпения.

– Федя! Савелий! Ребята! Савелий, молоток, что собрал! Митрич!

Обнялся с Федором, потом с Савелием. Они любили друг друга, эти парни. Такие разные, с разными взглядами на жизнь, из разных кругов, с разной жизненной философией... Тьфу, сказал бы капитан, услышав про жизненную философию, какая, к черту, жизненная философия? При чем здесь жизненная философия? Опять Федор мутит! Жить надо без всякой философии, потому что жизнь проста и понятна. Не кради, не убивай, не ври... в смысле, не по-крупному, и так далее. Не нами испокон веков придумано. И не надо будет никакой философии. А то насочиняли, понимаешь, оправданий: менталитет преступника, неподходящая среда, все детство простоял в углу, папашка опять-таки алконавт...

Они сели. Митрич уже летел к ним с дребезжащей тележкой.

– Как жизнь? – спросил капитан, и Савелий поспешил сказать, что все хорошо.

– Как Леопольд?

– Герман! Тоже хорошо. – Герман был сынишкой Савелия, капитан упорно называл его Леопольдом. – И Настенька! Пойдет уже во второй класс.

— Герман, конечно! — хлопнул себя по лбу капитан. — Память ни к черту. Как Зося?

— Такая же красавица? — поддержал друга Федор.

В их кругу бытовала легенда, что Савелий, шустряк этакий, отбил Зосю у Федора. Да, да, вы не ослышались! Было дело. Капитан от души оттоптался на обоих, а Федор нет-нет да и упомянет о своем разбитом сердце. Савелий смущается, начинает что-то лепетать, оправдываясь, и заикается больше обычного. Ладно, я тебя прощаю, говорит великодушно Федор, подумай сам, Савелий, ну, какой из меня муж? Философам должно оставаться одиночками, это классика, да и характер у меня... сам знаешь. Работаю по ночам, торчу до полуночи в бурсе, люблю думать в тишине, не обращаю внимания на быт, не терплю тряпок и щебета... Никакая женщина не выдержит, сбежит.

— Ребята! — Митрич вырос у их столика. — Я тут вам пивка и закусить! Давненько вас не было! Может, покрепче?

— Митрич! Сколько лет, сколько... Пиво нормально, жарко. Посиди с нами.

Митрич споро разгрузил тележку и присел на свободный стул. Обвел компанию взглядом и сказал:

— Это правда, что в Черном озере утонула машина? Говорят, в воскресенье вытащили.

— Какая машина? — удивился Савелий. — Пьяный за рулем? Живой хоть?

— Не слышал, — сказал Федор. — Коля!

Капитан не торопился отвечать, держал интригу.

— Правда, Митрич, — сказал наконец. — В Черном озере утонула машина, красная «Тойота». Вытащили в воскресенье, все верно.